

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1998 г.

ΠΛΟΥΤΑΡΧΟΥ

ΕΙ ΚΑΛΩΣ ΕΙΡΗΤΑΙ ΤΟ ΛΑΘΕ ΒΙΩΣΑΣ

ΠΛΟΥΤΑΡΧ ΧΕΡΟΝΕΪΚΗ

ХОРОШО ЛИ ИЗРЕЧЕНИЕ: «ЖИВИ НЕПРИМЕТНО»?

Перевод с древнегреческого и комментарии Э.Г. Юнца

Против эпикурейцев Плутарх, в качестве главы Платоновской школы, написал не меньше десяти сочинений (Lampr. cat. 80–82. 129. 133. 143. 148. 155. 159. 178), из которых до нас дошли только три: «Против Колота», «О том, что даже приятная жизнь невозможна, если следовать Эпикуру», и «Хорошо ли изречение: "Живи неприметно"». Последнее фигурирует в так называемом «Ламприевом перечне» (Lampr. cat. 178) под названием: «Об изречении: "Живи неприметно"». По форме оно представляет собою памятник ораторской прозы, точнее публичную декламацию, весьма распространенную в эпоху второй софистики и служившую средством просвещения и одновременно морально-философского воздействия на городское население во всех цивилизованных областях Римской империи. Произнесенная перед неизвестной аудиторией, эта речь представляет собой напористое, в агрессивном тоне, опровержение известного тезиса философа Эпикура о преимуществе аполитичной, удаленной от общественной и публичной карьеры жизни.

Манера изложения здесь, как и вообще в декламациях этого рода, крайне риторична, система доказательств носит откровенно игровой, несерьезный характер. Цитаты из классиков, вроде Гомера и Эврипида, призваны обосновать такое, например, алогичное утверждение, что Эпаминонда облекли доверием и властью, вследствие чего он стал знаменит и спас свой погибающий город. Если отвлечься от софистических переделок, здравый смысл подсказывает, что в реальности дело обстояло прямо наоборот: сначала Эпаминонд стал известен благодаря своим заслугам, и лишь затем ему было поручено командовать в войне против спартанцев.

Тем не менее, несмотря на кажущуюся игривость аргументации нападки Плутарха на Эпикура следует принимать совершенно всерьез: таковы были правила игры, и херонейский философ всего лишь следовал общепринятым стандартам ведения идейной полемики. За-

жигательный, пламенный характер речи захватывает читателя, тем более что речь, начатая уже на достаточно высокой ноте, к середине, а особенно к концу достигает совершенно исключительного накала, так что автор, выражаясь словами Платона (Ion 7, p. 536 b), впадает здесь в настоящее поэтическое неистовство (ἐνθουσιασμός). Фразы становятся все более взвинченными эмоционально и усложненными синтаксически (чего стоит, например, глава 5-я, которую целиком заполняет одно могучее, сложноподчиненное предложение с изощренной архитектоникой), язык приобретает возвышенно-поэтическую окраску (число прямых и косвенных цитат из величавого Пиндара возрастает, причем местами Плутарховы фразы так плотно сплетаются со словами его беотийского соплеменника, что почти невозможно первые отделить от вторых), наконец, мелочная и придирчивая полемика с оппонентом уступает место вдохновенному, яркому гимну утверждениям тех философов, которые трактуют всякое рождение и бытие как проявление латентно существующих сил и субъектов, и не менее яркому описанию адских мучений, главное из которых — беславие и безвестность.

Весь памятник в целом, несомненно, являет нам любопытнейшую страницу античной культуры, и читатель, надеемся, получит удовольствие как от риторической формы его, так и от философского содержания. Перевод выполнен по изданию: Plutarchi Moralia. V. VI, 2. Ed. M. Pohlenz, R. Westman. Leipzig: B. Teubner, 1969. Цитаты из античных авторов, кроме особо оговоренных, переведены нами заново с подлинника.

Содержание: инвектива против афоризма: отговаривая других от погони за славой, сам он всячески домогался известности (1). Опровержение самого афоризма: скрываться от общества пагубно не только для страдающих душевным недугом и ведущих порочную жизнь, но и для людей выдающихся, так как первых это лишает моральной поддержки (2), а вторых – возможности проявить свою добродетель (3). Скрытность уместна для тех, кто предаётся разврату, но не для тех, кто полезен обществу; известность даёт добродетелям славу и применение, а безвестность пагубна для талантов (4). Мрак подавляет рассудок, а свет стимулирует душевные силы и разум (5). Сама жизнь – это переход из незримого состояния в зримое, а смерть приводит к распаду и погружению в тьму (6). Подтверждение этому – обитель блаженных, где даже ночью им светит солнце, и адская бездна, где нечестивцы лишены возможности видеть свет (7).

1. Однако же автор этого афоризма сам не пожелал остаться в безвестности: ведь эту мысль он для того и высказал, чтобы незамеченным не остаться¹, как слишком ловкий хитрец, от призыва к беславию получающий несправедливую славу. «Противен мне мудрец, не мудрый для себя»². Подражатели Филоксена, Эриксидова сына, и сицилийца Гнатона³, большие гурманы, говорят, сморкались в тарелки, чтобы, отбив у сотрапезников аппетит, самим объедаться деликатесами. А завязтые честолюбцы клеветают другим, будто соперникам в любви, на славу, чтобы добиться ее, не встречая сопротивления, и действуют подобно гребцам⁴: как те, сидя лицом к корме, двигают корабль в направлении носа, ибо обратное течение от ударов весел подхватывает и толкает судно вперед, так и дающие этого рода советы, гонятся за славой, как бы от нее отвернувшись⁵. Иначе зачем было говорить такое, зачем писать и, написав, издавать на грядущие времена, если он желал остаться в безвестности? Или хотел остаться безвестным для современников тот, кто искал славы даже среди потомков?

¹ Юношески запальчивому тону декламации соответствует ее резкое, без предисловий (προοίμιον, exordium), начало. По Аристотелю (Arist. rhet. 3. 1415b8; ср. Quintil. 3.8.6), даже если оратор имеет дело с понятливым слушателем, все равно речь следует начать хотя бы с перечисления основных ее тезисов, «чтобы тело, если так можно выразиться, имело и голову» (ср. Plat. Phdr. 264 с: «всякая речь, подобно животному, должна иметь тело, а вместе с ним ноги и голову, причем средняя часть ее и конечности должны быть соразмерны и друг другу, и целому»).

² Eur. fr. 905 Nauck² (цитируется: v. Alex. 53; Luc. apol. 5; Men. mon. 332; Cic. fam. 13.15.2; ср. Plat. Hipp. ma. 283b; Max. Тур. 31, p. 409). Вероятный смысл сентенции: «прежде чем поучать других, сам научись следовать своим принципам» (ср. Lc 4.23: ἰατὴρ θεράπευσον σεαυτόν).

³ Сицилиец Гнатон и афинянин Филоксен – знаменитые в древности чревоугодники (ср. Plut. qu. conv. 668c; 707e; Aelian. v.h. 10. 9; Athen. 1.6b; 5,220b). Филоксен, высшее удовольствие полагавшийся в осязании пищи, даже молился, чтобы глотка у него стала длинней журавлиной (Arist. eth. Nic. 1118a33. eth. Eud. 1231a15. probl. 28.7, p. 950a3). Аристофан в своих шутках (vesp. 84. nub. 686) неоднократно упоминает его гомосексуализм и распутство.

⁴ Так называемый «парадокс» (παράδοξον), фраза, содержащая неожиданную для слушателей мысль, которая тут же, после эффектной паузы поясняется.

⁵ Ср. насмешливое высказывание о скептическом философе Тимоне перипатетика Иеронима: «Как скифы стреляют, убегая, и стреляют, преследуя, так иные философы любят учеников, гоняся за ними, а иные – убегая от них, как Тимон» (Diog. Laert. 9. 112).

2. Впрочем, довольно об этом. Разве само изречение не постыдно? «Живи неприметно». Словно гробокопатель⁶? Неужто жить – это настолько позорно, что мы должны друг от друга скрываться? А я бы сказал так: «Даже прожив позорную жизнь, не старайся этого скрыть, но напротив, откройся, образумься, покайся, чтобы не остаться бесполезным, если ты добродетелен, или неисцеленным, если у тебя есть пороки. Но лучше бы ты уточнил и разяснил, кому именно ты это предписываешь. Если – невежде, негодяю, глупцу, то это все равно, что сказать: "Скрывай, что у тебя лихорадка", или: "Скрывай, что у тебя горячка, чтобы о тебе не узнал врач. Спрячься где-нибудь в темном углу, чтобы никто не знал о тебе и твоих болезнях". Ведь и ты, в сущности, говоришь то же самое: "Давай, более неизлечимой и пагубной болезнью порока, скрывая свое озлобление, свои неудачи и переживания, боясь представить себя тем, кто может тебя успокоить и исцелить". А ведь еще в древности больных выставляли в многолюдных местах⁷, и всякий, кто знал эффективное средство, потому что сам испытал подобный недуг или исцелил болевшего той же болезнью, советовал его тому, кто в этом нуждался; так, собираемая по крупицам от людей знающих, говорят, и возникла великая медицина. А ведь так же следовало бы открывать для всех и нездоровую жизнь, и душевные муки, чтобы каждый, исследуя образ мыслей больного, говорил: "Ты разгневан? Остерегайся того-то", "Завидуешь? Делай то-то и то-то", "Ты влюблен? И я когда-то любил, но раскаялся"⁸. Между тем, отрицая, утаивая, скрывая свои пороки, люди их только укореняют в себе.

3. А если ты призываешь быть неприметными и безвестными людей добродетельных, то тем самым Эпаниннду ты говоришь: «Не военачальствуй», Ликургу: «Не законодательствуй», Фрасибулу: «Не тираноубийствуй»⁹, Пифагору: «Не учительствуй», Сократу «Не философствуй», да и прежде всего, Эпикуру, ты говоришь самому же себе: «Не пиши друзьям в Азию, не вербуй себе поклонников из Египта, не опекай лампсакских эфэбов; не рассылай свои книги, демонстрируя всем и каждому свою мудрость, и не отдавай распоряжений насчет собственных похорон». К чему эти совместные трапезы? К чему общие собрания единомышленников и близких¹⁰? Зачем тысячи строк, написанных к Метродору, Аристокласту и Хайредему¹¹, да еще усердно отделанных, чтобы и посмертно те не остались забыты, если добродетели ты предписываешь забвению, искусству – бездействию, философии – молчанию, а благотворительности – безвестности?

4. Если же славу ты устранишь из жизни, подобно тому, как светильники убирают с пирушки, чтобы во мраке предаваться всяческому удовольствиям, тогда правилен твой совет «жить неприметно». Еще бы, если я намерен жить с гетерой Гедеей и сожительствовать с Леонтией¹², «наплевать на прекрасное»¹³, а «радости плоти» почитать за высшее благо, тогда мне действительно нужен красочный вечер, и таким целям требуются забвение и безвестность. Если же кто из физиков, исследующих природу, воспевае бога, справедливость и промысел, или кто-то из этиков¹⁴ – закон, общество и политическую активность, а в политике предпочитает выгоде благородство, тогда зачем ему жить неприметно? Чтобы никого не воспитать, никому не стать

⁶ τυφωρύχος, т.е. мародер, раскапывающий и разоряющий могилы (ср. *Ar. ran.* 1149; *Luc. Jurr.* Tr. 52), или профессиональный могильщик, за плату роющий могильные ямы (ср. *Sext. math.* 7. 45).

⁷ Обычай, приписываемый жителям Вавилонии: *Herod.* I. 197; *Srtabo.* 16. I. 20, p. 746 (по другой версии – египтянам и иберийцам: *Strabo.* 3. 3.7, p. 155).

⁸ Ср. идеальный образ философа-киника, который, как врач, совершая обход сограждан и шупая у них пульс, должен им давать указания: «У тебя лихорадка, у тебя головная боль, у тебя подагра», «Тебе следует голодать, тебе можно есть, тебе лучше воздержаться от бань», «Ты нуждаешься в кровопускании, а ты – в прижигании» (*Epicr. diss.* 3. 22. 73).

⁹ Риторическое преувеличение: собственноручно Фрасибул тиранов не убивал, хотя сыграл важнейшую роль в свержении афинской «олигархии Тридцати» (декабрь 404 г.).

¹⁰ Учеников Эпикура даже называли *ἐκκλησία*, потому что они отмечали память своего учителя по двадцатым числам (*ἐκάς*) Гамелиона (*Athen.* 7. 298d).

¹¹ Хайредем и Аристокласту – братья философа (*Diog. Laert.* 10. 3), а Метродор Лампсакский – его ближайший сподвижник и ученик (*ibid.* 10. 23). Всем трем посвящены не дошедшие до нас сочинения Эпикура (*ibid.* 10. 28).

¹² Обе гетеры, как утверждали недоброжелатели Эпикура, сожительствовали одновременно с ним и с его учеником Метродором (*Diog. Laert.* 10. 6; 10. 23).

¹³ Ср., однако, *Plut. pop posse* 1088b: «Они (эпикурейцы) сами единодушно утверждают, что плотские наслаждения стоят ничтожно мало, или вовсе нисколько, если конечно, не пустословят и не рисуются, когда Метродор говорит, что "нам глубоко наплевать на телесные наслаждения"».

¹⁴ «Одни философы называются физиками, так как изучают природу, другие – этиками, так как занимаются нравственностью» (*Diog. Laert. praef.* 17). Плутарх, писавший труды по естествознанию (*φυσικά*) и по этическим вопросам (*ἠθικά*), относил себя к той и другой категории.

образцом для подражания и прекрасным примером? Если бы афиняне не заметили Фемистокла, Эллада не отразила бы нашествие Ксеркса; если бы римляне не узнали о Камилле, не устоял бы и сам город Рим; если бы Дион¹⁵ не был знаком с Платоном, то не обрела бы свободу Сицилия. Так же как свет, на мой взгляд, делает нас не только видимыми, но и полезными друг для друга, так и известность приносит добродетели не только славу, но и находит ей применение. Эпаминонд, до сорока лет оставаясь безвестным, ничем не был полезен фиванцам, зато позднее, облеченный доверием и властью, спас свой погибающий город, а поработенную Элладу освободил, явив свою добродетель сияющей славе тем, что проявил ее вовремя. «Блестит лишь пока его используют, пустой же и заброшенный ветшает» не только «кров», как говорит Софокл¹⁶, но и человеческий нрав¹⁷, влекомый к упадку и разложению бездействием, порожденным безвестностью. Пустое безделье и сидячая, праздная жизнь иссушают не только тела, но и души, и как вода, затененная и лишенная света, или непроточная и застойная, загнивает¹⁸, так и природные таланты, сколь бы хороши они ни были, от бездейственного образа жизни, похоже, гибнут и старятся¹⁹.

5. Неужто ты не видишь, что с наступлением ночи сонная вялость завладевает телами, и души охватывает бессильная немощь, и рассудок, сжавшись от бездействия и уныния, чуть трепещет, как язычок тусклого пламени, бессвязными сновидениями, как бы намекая человеку на происходящее наяву, «а когда разгоняет лживые сновидения»²⁰ восходящее солнце, и как бы смешав воедино, пробуждает и оживляет светом деятельность и сознание каждого, тогда, по словам Демокрита²¹, «питая с приходом дня новые помыслы», люди, связанные, как прочной нитью, взаимным стремлением, поднимаются, каждый со своего места, к повседневным занятиям.

6. А я полагаю, что и самая жизнь, и, шире, существование и причастность к рождению даны человеку божеством для известности. Он – незрим и неведом, носимый во всех направлениях в виде рассеянных мелких частиц, но когда рождается, то, сгущаясь в себя и обретая размеры, начинает светиться, становясь из незримо зримым и из невидного видимым. Ведь рождение – это путь не к существованию, как утверждают иные, а к известности о существовании. Ведь оно не творит рождаемого, но лишь выявляет его, равно как и разрушение сущего не есть устранение в небытие, а скорее увод в незримое распавшееся на части. Вот почему солнце, считая его, по древним и исконным обычаям, Аполлоном, называют Делосским и Пифийским²², а господина потустороннего мира, кем бы он ни был, богом или демоном²³, называют, как если бы, распадаясь на части, мы переходили в невидимое и незримое состояние, «властителем незримой ночи и ленивого сна»²⁴. Я думаю, что и самого человека древние называли «светом»²⁵ именно потому, что каждому, в силу родства, присуще неудержимое желание узнавать и быть узнанным. Да и саму душу некоторые философы считают, в сущности, светом, доказывая это, среди прочего, тем, что из всего существующего душа больше всего тяготеет к безвестности, ненавидит все смутное, и приходит в смятение от темноты, полной для нее страха и подозрений, зато свет для нее так сладостен и желанен, что без света, во мраке, ее не радует ничто из вещей, по природе своей приятных, но, примешиваемый ко всему, словно

¹⁵ «Дион, сын Гиппарина, сиракузец, философ-платоник, брат Аристомахи, супруги, сицилийского тирана Дионисия Старшего, который стал сицилийским тираном, изгнав Дионисия, сына Дионисия Старшего, чей брат Нисей, в свою очередь, изгнал самого Диона. Ему принадлежат письма к Платону и другие сочинения» (Suid. s. Δίων).

¹⁶ *Soph.* fr. 780 Nauck² (цитируется также: *Plut.* an seni resp. 788b., 792a).

¹⁷ Игра слов: «кров – нрав» передает созвучие: στέγος – ἦθος.

¹⁸ τὰ λαυθάριοντα τῶν ὑδάτων τῷ περισκιάζεσθαι καὶ καθῆσθαι μὴ ἀπορρέοντα σήπεται, чрезвычайно элегантная конструкция, где симметричные члены предложения (τὰ λαυθάριοντα, μὴ ἀπορρέοντα – τῷ περισκιάζεσθαι, καθῆσθαι) образуют изящный хiasm.

¹⁹ Обратная градация (ἕστερον – πρότερον) вместо ожидаемого «старятся и гибнут».

²⁰ Судя по стихотворной форме (гексаметр) – цитата из неизвестного поэтического произведения. Ср. *Elym.* M. 433. 50; *Callim.* fr. an. 93, p. 723 Schn.

²¹ *Democr.* fr. B 158 Diels.

²² Эпитеты Аполлона Δήλιος и Πύθιος Плутарх выводит из δηλόω («делать явным, обнаруживать») и πυθάνομαι («узнавать»).

²³ Демон – существо низшего порядка, чем боги. Имя Плутона (Аида) автор эвфемистически опускает. Ср. *Pind.* Ol. 2. 107: «В этом Зевесовом царстве за грехи судит некто подземный».

²⁴ Fr. mel. chor. adesp. 13 Diehl.

²⁵ Игра словами: ὁ φῶς, φωτός – «мужчина, человек» (поэтизм, из языка древних трагиков), и τὸ φῶς, φῶς – «свет, сияние».

приправа, он делает радостным и отрадным всякое наслаждение, всякое развлечение и утеху²⁶. Тот же, кто ввергает себя в безвестность, облачается мраком и заживо себя погребают, видимо, тяготятся самим рождением своим и не хотят бытия.

7. Ведь природу славы и бытия показывает обитель благочестивых²⁷: «там даже ночью им светит яркое солнце²⁸, а среди лугов, покрытых пурпурными розами»²⁹, расстилается равнина, пестреющая цветами плодоносных, пышных, тенистых деревьев, и бесшумно текут полноводные реки³⁰, а сами они, прохаживаясь вместе и мирно беседуя, проводят время в воспоминаниях и разговорах о тех, кто родился и существует. Третья же дорога³¹, сбрасывающая души в мрачную бездну, предназначена тем, кто прожил нечестивую, беззаконную жизнь. «Отсюда изливают беспредельный мрак медленные³² реки угрюмой ночи»³³, принимая в себя и окутывая безвестностью и забвением наказуемых. Ведь коршуны не терзают вечно печень злодеев³⁴, погребенных в земле (она давно без остатка сгорела или истлела), и таскание тяжестей не изнуряет тела наказуемых (ибо «крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их»³⁵, и нет у мертвых остатка тела, могущего принять тяжесть заслуженной кары), но поистине, есть лишь одно наказание для проживающих порочную жизнь: бесславие, безвестность и исчезновение, бесследно устранившее их в угрюмые воды Леты, погружающее в бездонную морскую пучину³⁶, влекущее за собой никчемность и бездействие, а также полное бесславие и безвестность.

²⁶ Представление о неразрывной связи солнечного света и жизни, универсальное для всех времен и народов, отражено, например, в древнеегипетской «Книге Амдуат» (XVI в. до н.э.), одно из адских мучений, ожидающих грешников, – погружение в темный хаос. Свет и тепло, излучаемые богом Ра, когда он спускается в преисподнюю, предназначены только для праведных (*Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 234*). В Гимне Атону (XIV в. до н.э.) говорится: «Когда ты восходишь, они (люди. – Э.Ю.) живы, ты заходишь – они мертвы» (Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 2. М., 1980. С. 92).

²⁷ Фраза, безнадежно испорченная, переведена по контексту: истинная слава и высшее бытие принадлежит душам благочестивых покойников, а главное преимущество, которым они наслаждаются в райской обители, – это солнечный свет, дающий им возможность общаться и быть друг другу известными.

²⁸ Досл. «сила солнца», поэтический оборот, где труднопереводимое μένος означает «кровь», как материальное воплощение души (Soph. Ai. 1412: μέλαν μένος), или «дух, жизненную силу», т.е. субстанцию, выражающую высшую сущность своего обладателя: жар, если идет речь о солнце (*Hom. Od. 10. 160: μένος ἥελιοιο*), боевой дух, если говорится о воинах (*Hom. Il. 2. 387: μένος ἀνδρῶν*; 18. 264: μένος ἄρηνος).

²⁹ *Pind. fr. 129 Sn-Mā* (цитируется также: *Plut. cons. Ap. 120 c.*).

³⁰ Вольный пересказ неизвестной нам оды Пиндара. Ср. описание Элисийской равнины – Ἠλύσιον πεδῖον (*Hom. Od. 4. 563*) и Острова Блаженных – Μακάρων νῆσος (*Pind. Ol. 2. 57*).

³¹ Неожиданное упоминание «третьей» дороги, предназначенной душам покойных, объясняется, вероятно, лакуной в начале главы, где говорилось о первой дороге, по которой Геракл вззошел на небо, к богам, затем – о второй, ведущей в обитель блаженных, после чего речь заходит о третьей, ведущей грешников в ад.

³² Досл. «вялые, слабые» (βλητρός). Ср. *Hor. c. 2. 14. 17: visendus ater flumine languido Cocytos ergans* – «придется (всем нам) узреть черный Коцит, извивающийся вялой рекою».

³³ *Pind. fr. 130 Sn-Mā* (цитируется также: *Plut. aud. poet. 17c*).

³⁴ οὐ γάρ οὔτε γῦπες κέρουσι... οὔτε βαρῶν τιμῶν ἀχθοφόραι θάλβουσι, двойное отрицание вместо простого – черта нелитературного, просторечного языка (ср. Act. apost. 26. 26: λαμβάνειν γάρ αὐτὸν τοῦτω οὐ πείνομαι αὐθέν, «я убежден: ничто из этого от него не укрылось»), позднее закреплённая в новогреческом языке как норма. Примечательно, что одна рукопись (Ватиканский кодекс) дает правильную форму: οὔτε γάρ γῦπες.

³⁵ *Hom. Od. 11. 219* (пер. В. Жуковского).

³⁶ εἰς ἄβυσσον καὶ ἀχανὲς πέλαγος. Ср. это выражение (εἰς πέλαγος ἀχανές) в похожем контексте: «В Кампании он (Цицерон, возвращавшийся в Рим из изгнания) встретил одного видного римлянина, с которым дружил, и полагая, что в Риме только и говорят о нем и его деяниях, спросил, что думают римляне о его заслугах. «Постой-ка, а где ты был в последнее время?» – услышал он в ответ, и очень расстроился, так как понял, что слухи о нем затерялись в городе, словно канув в морскую пучину и ничего не прибавив к его прежней известности» (*Plut. Cic. 6. 4*).